

В. О. Зверев

Германский военный шпионаж в столице Российской империи посредством банковской, печатно-издательской и журналистской деятельности (1907–1914 гг.)

В научной литературе, посвященной проблемам военного шпионажа стран Тройственного союза, сложилось мнение, что накануне Первой мировой войны в целях расширения своих осведомительных возможностей в России (преимущественно в Санкт-Петербурге) германский генеральный штаб наряду с использованием прогерманских и российских торгово-промышленных предприятий, справочных и страховых контор (представленных германскими подданными или «натурализовавшимися» немцами-переселенцами), привлекал к ведению разведки немецкие банки.

По версии одного из крупнейших специалистов по агентурной работе ОГПУ СССР К. К. Звонарева, экономическая деятельность банков действительно дополнялась «поручениями» шпионского характера¹. Они могли возлагаться на «Дойче-Банк», «Дисконто-Гезельшафт» и «Германский торгово-промышленный банк», объединявшие под своим началом 45 немецких банков в России, с общим объемом капиталов свыше 2 млрд марок (по итогам 1913 г.)².

Данный перечень банков можно было бы дополнить и другими финансово-кредитными учреждениями Германии, функционировавшими на российском рынке перед войной, а именно: «Дрезден Банком» и «Шауфхаузеншер Банк-Ферейном», с активами в 262 и 179 млн марок в каждом, возглавившими еще 11 немецких банковских структур, с капиталом 574 млн марок³.

«Банковское дело, — указывал заведующий иностранным отделом газеты “Вечерние новости” А. М. Оссендовский, — поль-

**Зверев Вадим
Олегович,**
кандидат
исторических наук,
доцент,
Омская академия
МВД России
(Омск, Россия)

зуются особым покровительством Гогенцоллернов, которые понимают, что банки легко могут держать в своих руках промышленность, торговлю, железные дороги, судоходство и пр., а также легче других агентов сообщать все сведения в Германию»⁴.

Одним из способов передачи добытых сведений о строящихся кораблях Балтийского военно-морского флота, их боевых качествах, численности и настроениях флотских экипажей, а также обороноспособности военных крепостей, производственных мощностях и объемах выпускаемой продукции заводов Военного и Морского министерств в германский генеральный штаб «были ежедневные сношения между биржами — прямой путь для шпионажа. Цифровые телеграммы, сообщавшие котировку бумаг, превращались в разведывательные донесения»⁵.

Гипотетически можно согласиться с позицией К. К. Звонарева и А. М. Оссендовского об имевших место разведывательных усилиях германской агентурной сети в Санкт-Петербурге под прикрытием банковского дела, тем более что руководители некоторых из столичных (российских) банков (например Е. Г. Шайкевич, А. И. Вышнеградский, А. А. Давидов) состояли в долевом участии в правлениях прогерманских торгово-промышленных компаний России, находившихся под наблюдением петербургской контрразведки⁶. При этом деятельность этих предприятий, как выяснилось, была ориентирована исключительно на прием и выполнение подрядов Морского и Военного ведомств России. Будучи полноправными совладельцами этих компаний, руководители банков имели доступ к важной информации государственного значения, начиная с момента получения заказа на изготовление того или иного типа (вида) вооружений (стоимость проекта, сроки изготовления, объемы заказанной продукции) и заканчивая тактико-техническими спецификациями произведенных боевых изделий.

В то же время, как нам представляется, возможности государства по противодействию иностранному шпионажу в предвоенные годы были весьма ограничены, и отследить участие банковских структур Германии в хитроумных схемах сбора секретных сведений и переправки их за рубеж, взяв под контроль весь банковский сектор российской экономики, силами одной лишь контрразведки было попросту невозможно.

Поэтому с известной долей вероятности можно говорить, что благоприятные объективные и субъективные условия для «банковского шпионажа» в столице России действительно были созданы. Использование финансовых учреждений в качестве инструмента решения агентурных задач было своеобразной новацией на тот момент, но фактов, прямо указывающих на причастность конкретных банков и их руководителей (служащих) к военно-разведывательной деятельности в пользу Германии или Австро-Венгрии, по-прежнему нет.

Наряду с вышеупомянутым путем добывания разведывательных данных (не подтвержденным и не опровергнутым автором статьи), немаловажное значение для потенциальных противников России имел сбор сведений военного содержания со страниц повременной

печати Санкт-Петербурга, который осуществлялся двумя способами. Первый и наиболее легкий заключался в выборочной подписке (просмотре) печатно-издательской продукции и последующем анализе находившегося там конкретного материала. К числу газет, способных заинтересовать германскую агентурную разведку своими публикациями, прежде всего относились доступные для любого читателя военные издания, к которым можно причислить, к примеру, газеты «Русский воин», «Виленский военный листок» или «Туркестанскую военную газету».

Наряду с прессой, издававшейся в типографиях военных округов, были и другие, более крупные газеты (большой тираж, шире целевая аудитория, возможность оформить подписку за границей), публиковавшиеся в Санкт-Петербурге (например, официальный еженедельник «Русский инвалид»).

Содержание многих из представленных в «Русском инвалиде» статей за 1910–1912 гг. могло быть предметом акцентированного интереса немцев (военных атташе и других представителей германского посольства). Первоочередное внимание читательской аудитории привлекала первая полоса газеты, ее «Официальный отдел». Здесь публиковалась подробная информация о кадровых изменениях в вооруженных силах страны — должностных назначениях, перемещениях, увольнениях и пр.⁷ По предложенным в этом отделе спискам личного состава можно было сформировать представление о дислокации воинских частей по военным округам, их командирах, а также корабельном составе флота и морском офицерском корпусе. Представленная в газете рубрика «Из Гос. Думы» тоже включала в себя небезынтересные для иностранных разведорганов сведения. Так, 18 апреля 1912 г. там было напечатано сообщение о том, что днем позже состоится заседание Государственной думы, где будет рассмотрен вопрос об отпуске средств на секретные расходы (деньги, предназначенные на вербовку заграничной агентуры) разведывательной службы Морского ведомства⁸. При этом, точно привлекая внимание иностранных шпионов, было сделано ударение на его секретном характере.

Другим органом официальной печати был ежемесячник Главного артиллерийского управления Военного ведомства «Артиллерийский журнал». В нем подписчик мог ознакомиться не только с «переводными» статьями, освещающими теоретико-прикладные аспекты совершенствования иностранной артиллерии, но и с циркулярами Главного артиллерийского управления, «относящимися до материальной части, изменений в положениях и штатах» и извлечениями артиллерийского комитета «об исполненных или предложенных изменениях в разных отраслях артиллерийского дела»⁹.

К числу гражданских изданий стоит отнести ежедневник «Новое время», в котором, как и в некоторых военных источниках, порой бездумно и безответственно публиковались данные, оглашение которых могло повлечь подрыв интересов внешней безопасности российского государства. Например, в мае 1913 г. в его разделе «Правительственные распоря-

жения» был напечатан список офицеров генерального штаба Военного министерства, награжденных орденами святого Владимира 3-й ст.¹⁰ Причем имя одного из них — старшего адъютанта Варшавского военного округа полковника Н. С. Батюшина — по всем правилам военной конспирации должно было храниться в строжайшей тайне. Он был начальником разведывательного отделения, и в силу своих должностных обязанностей, профессиональных знаний и опыта, занимался вопросами постановки агентуры на территории Восточной Пруссии.

Накануне Первой мировой войны в Санкт-Петербурге изучением газет и сбором данных о военном потенциале России занималась группа немецких журналистов в составе Ю. А. Полли-Полячека (“Hamburg Anzeiger”), З. Гея (“Kontinental telegraf gesellschaft in Berlin”) и А. фон-Аурих (“Lokal Anzeiger”). Каждый из них имел аккредитацию в центральных законодательных органах страны, что в значительной степени облегчало доступ к обсуждавшимся там несекретным документам и материалам. Из получаемых экономических, политических, а иногда и военных сообщений (стенографические отчеты, протоколы открытых заседаний и т. д.) путем обобщения, сопоставления и всестороннего анализа извлекались важные сведения об обороноспособности Российской империи.

Не располагая прямыми доказательствами, свидетельствующими об обстоятельствах хищения документов военно-секретного содержания из Государственной думы и Государственного совета, позволим себе предположить, что германский шпионаж под прикрытием журналистской деятельности был организован на высоком уровне. Столь смелое заключение помогают сделать два факта, косвенно подтверждающие достоверность авторской версии.

Во-первых, в 1907 г., как пишет помощник прокурора Варшавского окружного суда полковник А. С. Резанов, один из немецких журналов напечатал на своих страницах законопроект Малой судостроительной программы (первая программа возрождения русского флота), который, по мнению морского министра И. М. Дикова, имел «особо секретный» характер. Причем обнародование законопроекта состоялось за два дня до его рассмотрения на закрытом заседании Государственной думы¹¹.

И, во-вторых, положительно оценивая результаты шпионской деятельности некоторых немецких журналистов, петербургские контрразведчики ссылались на одно из агентурных донесений, полученных в начале 1912 г. В нем, в частности, говорилось: «Входя в редакцию газеты “Новое время” госпожа фон-Аурих, весьма осведомленная в военных делах, получила не так давно награду от императора Вильгельма, приуроченную к периодическим сообщениям... сведений о России»¹².

Сбор сведений, необходимых кайзеровской разведке, эффективно осуществлялся и посредством негласной покупки ее представителями, либо агентами военных союзников Германии, целых печатных издательств Санкт-Петербурга, и их использовании в целях

осведомления. Вплоть до 1910 г., — как вспоминает начальник австрийской разведки М. Ронге, — по этой схеме немецкие военачальники получали данные, предоставляемые им коллегами из Австро-венгерского генштаба¹³.

Под австрийской «крышей» в российской столице функционировала газета «Вечерний голос», помещавшая на своих страницах сведения об актуальных вопросах военного дела. Согласно А. С. Резанову, ежемесячно через австрийское посольство ее главному редактору перечислялись средства в размере 1 тыс. руб. Причем большая часть денег предназначалась одному из журналистов, писавшему материалы по вопросам международной политики¹⁴.

Беспрепятственный путь добывания важной информации разведывательными органами противника объяснялся несовершенством царского законодательства в части государственной измены путем шпионажа и, как следствие, безнаказанностью авторов отдельных статей. До выхода в свет «Закона о шпионстве» (5 июля 1912 г.) преследованию в судебном порядке фактически не подлежал сбор данных военного и морского содержания (в том числе секретных) и их оглашение в прессе.

Разработчики Уголовного Уложения 1903 г. считали, что автор такого материала мог быть признан виновным лишь в том случае, «если ему было объявлено воспрещение публиковать оные»¹⁵. Однако даже при таком условии доказать причастность к шпионажу журналиста, не располагая изъятыми у него документами, «которые заведомо должны были храниться в видах внешней безопасности России, храниться в тайне от иностранных государств», либо его признательными показаниями, практически было невозможно. Поэтому, как справедливо отмечает Н. В. Греков, подобные дела не имели судебной перспективы¹⁶.

Подытоживая сказанное, заметим, что в преддверии очередного передела мира, германская агентурная разведка использовала все возможности для сбора военных сведений, способных подорвать обороноспособность Российской империи. Наряду с привлечением немецких и российских коммерческих предприятий и контор, частных банков к шпионажу, в мероприятиях разведки были задействованы немецкие журналисты, на вполне официальных основаниях работавшие в Санкт-Петербурге. Пользуясь пробелами в российском уголовном законодательстве (в части борьбы со шпионажем) и понимая неподсудность своих противоправных деяний, они не только осведомлялись в высших законодательных органах власти, но и публиковали статьи, в которых содержались данные о военном и морском деле русских. Получение оперативно значимой информации из Государственной думы и Государственного совета, а также сведений из столичных газет (которые можно было приобрести за границей), позволяло Большому генеральному штабу Германии не только формировать представление об оборонном потенциале Российской империи в целом, но и перепроверять уже имевшиеся разведывательные донесения из других источников.

Такой масштабный и в тоже время профессиональный подход к делу военной разведки позволил немецким военачальникам основательно изучить вооруженные силы и оборону России, а также получить военно-тактическое и военно-промышленное преимущество в ходе наступательных операций на фронтах Первой мировой войны.

¹ *Звогарев К. К.* Германская агентурная разведка: В 2 т. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. IV управление штаба РККА. М., 1931. С. 38.

² Там же.

³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 701. Л. 35 (Лекция А. М. Осендовского для курсов высшего командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии «Торгово-промышленная агентура Австро-германского Генерального штаба»).

⁴ Там же. Л. 34.

⁵ Там же.

⁶ *Зверев В. О.* Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны. Омск, 2008. С. 155.

⁷ Высочайшие приказы // Русский инвалид. 1910. № 249. С. 1; Высочайшие приказы // Там же. 1911. № 280. С. 1; Высочайшие приказы // Там же. 1912. № 85. С. 1–2; и др.

⁸ Из Гос. Думы // Русский инвалид. 1912. № 85. С. 1–2.

⁹ См., например: Артиллерийский журнал. 1912. № 7–12; 1913. № 1–12; 1914. № 1–6.

¹⁰ Правительственные распоряжения // Новое время. 1913. № 13361. С. 1–8.

¹¹ *Резанов А. С.* Немецкое шпионство (книга составлена по данным судебной практики и другим источникам). Пг., 1915. С. 206.

¹² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 23. Л. 145.

¹³ *Ронге М.* Война и индустрия шпионажа. М., 2000. С. 35.

¹⁴ *Резанов А. С.* Немецкое шпионство... С. 164.

¹⁵ Уголовное Уложение 1903 года. Рига, 1922. С. 99.

¹⁶ *Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпионomanия и реальные проблемы. М., 2000. С. 183.

УДК 94(47).083

***Зверев В. О.* Германский военный шпионаж в столице Российской империи посредством банковской, печатно-издательской и журналистской деятельности (1907–1914 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 8–15.**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается один из сложнейших периодов в истории самодержавного государства. Памятуя об уроках русско-японской войны, власть прибегла к беспрецедентным по масштабу реформам — модернизации военно-морских сил и реорганизации сухопутной армии. Начиная с 1907 г. и вплоть до Первой мировой войны высшие

исполнительные и законодательные органы власти на своих закрытых заседаниях обсуждали многочисленные дорогостоящие и долговременные проекты возрождения Балтийского и Черноморского флота, а также перевооружения войсковых частей современными видами оружия и военной техники (тяжелая артиллерия, аэропланы и дирижабли, автоматическое оружие и др.). Претворение в жизнь многих из этих замыслов было возложено на военно-научный и военно-индустриальный комплекс Санкт-Петербурга и Петербургского военного округа. Включившись тем самым в гонку вооружений, а вместе с ней и в подготовку к глобальной войне за очередной передел рынков сбыта и сфер влияния, Россия стала ареной деятельности разведывательных органов стран потенциальных противников (прежде всего Германии). Германская агентурная разведка, прошедшая франко-прусскую войну 1870–1871 гг. и военный конфликт между Россией и Японией, к этому времени была одной из самых опытных и могущественных спецслужб Европы. Автор статьи анализирует три вида военного шпионажа немцев в Санкт-Петербурге — сбор военных сведений под прикрытием банковской, печатно-издательской и журналистской деятельности. Благодаря использованию малоизвестных архивных данных и информации, обнаруженной в газетно-журнальных публикациях начала XX в., дается объективная оценка потенциальных возможностей и некоторых результатов деятельности вражеской агентуры. Обосновывается версия о широкомасштабных и высокопрофессиональных мероприятиях германской агентурной разведки перед войной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банки, биржи, шпионаж, контрразведка, газеты, военные сведения, немцы, журналисты, Государственная Дума, Государственный Совет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Омская академия МВД России (Омск, Россия); zvrevoma@mail.ru

Zvrev V. O. 'German Military Espionage in the Capital of the Russian Empire in Banking, Publishing and Journalism (1907–1914)'

ABSTRACT: In this article one of the most difficult periods in the history of the autocratic state is considered. Remembering the lessons of Russo-Japanese war, the state resorted to reforms of unprecedented scale — modernization of the navy and reorganization of the army. Between 1907 and the beginning of World War I, the leaders of the state and Duma discussed at the private meetings numerous expensive and long-term projects concerning the Baltic and Black Sea fleet, and also the rearmament of military units with modern weapons (heavy artillery, airplanes and airships, machine guns, etc.). Implementation of many of these plans was assigned to the military-industrial complex of St. Petersburg and the Petersburg military district. Having joined the international arms race in preparation for global war and the next redivision of world markets and spheres of influence, Russia became an important site of international espionage (involving, chiefly, Germany). In the wake of the Franco-Prussian war of 1870–1871 and the military conflict between Russia and Japan, German intelligence was one of the most skilled and powerful in Europe. The author of this article analyzes three types of German military espionage in St. Petersburg — the collection of military data under the cover of banking, publishing and journalism. Thanks to little-known contemporary records and information, which were found in journalistic publications at the beginning of the 20th century, it becomes possible to assess the opportunities and results that the enemy enjoyed. This article reveals evidence of large-scale, highly professional prewar German intelligence operations in the Russian capital.

KEYWORDS: banks, exchanges, espionage, counterintelligence, newspapers, military data, Germans, journalists, State Duma, State Council.

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, The Omsk MVD Academy (Omsk, Russia); zvrevoma@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Zvonarev K. K. *Germanskaia agenturnaia razvedka*. 2 volumes. Vol. 2. *Germanskaia agenturnaia razvedka do i vo vremia voiny 1914–1918 gg. IV upravlenie shtaba RKKA* (Moscow, 1931).
- ² Zverev V. O. *Protivodeistvie germanskomu voenno-promyshlennomu shpionazhu v Sankt-Peterburge nakanune Pervoi mirovoi voiny* (Omsk, 2008).
- ³ Rezanov A. S. *Nemetckoe shpionstvo (kniga sostavlena po dannym sudebnoi praktiki i drugim istochnikam)* (Petrograd, 1915).
- ⁴ Ronge M. *Voina i industriia shpionazha* (Moscow, 2000).
- ⁵ Grekov N. V. *Russkaia kontrrazvedka v 1905–1917 gg.: shpionomaniia i realnye problemy* (Moscow, 2000).